

А.Ф.Белоусов

«ПЕРВЫЙ СЕВЕРНЫЙ ДИВАН» ЕВГЕНИЯ ШЕШОЛИНА

Евгений Шешолин (1955—1990) — русский поэт. Важную роль в его мировоззрении играл Восток. Образцом поэтического творчества часто служили для него древнеперсидские стиховые формы. В 1983 г. Шешолин начал работать над сборником «Первый северный диван». Он составлен по примеру восточных поэтических «диванов» и представляет собой первый в русской поэзии опыт подобного сборника.

Ключевые слова: восточная тема, газель и другие древнеперсидские стиховые формы, диван, каноническое искусство, традиция

Евгений Шешолин — русский поэт.

Он родился 9 декабря 1955 г. в латвийском городе Краславе, о котором впоследствии напишет:

В городке игрушечном — Краславе, —
вдалеке от мировых дорог,
вам напомнит Краков и Варшаву
европейский строгий уголок.

Появление в стихотворении Кракова и Варшавы закономерно. Город, где родился поэт, другой город — Резекне, в котором прошли его детство и юность, исторически тесно связаны с Польшей, владевшей Восточной Латвией со времен Ливонской войны и до первого раздела Польского королевства.

Отец поэта оказался в здешних местах случайно: Петр Иванович Шешолин (1911—1978) — кадровый офицер родом с Поволжья, после войны он получил назначение в краславский военкомат, где работала его будущая жена Ирина Дементьевна Мацилевич (1925—2012). Мать поэта была полькой, поэтому Евгений Шешолин ощущал кровное родство с польской культурной традицией:

Речь Посполитая,
нежная родина...

Окончив школу, Евгений Шешолин уехал учиться в Ленинград. Его ностальгия была столь сильна, что стала мощным творческим импульсом. Он начал писать стихи. Однако атмосфера и быт мегаполиса оказались слишком непривычными для человека, выросшего в маленьком провинциальном городе.

В 1974 г. Евгений Шешолин поступает на естественный факультет Псковского педагогического института и перебирается в Псков. Этот город вполне соответствовал его жизненному опыту:

Ах, этот город, захоlustье!
На взгляд один, на взмах руки...

Отныне его жизнь связана с Псковом.

Здесь Евгений Шешолин будет строить свою семейную жизнь, здесь он найдет близких друзей-единомышленников, книжников, поэтов, общение с которыми имело большое значение не только чисто в человеческом, но и в творческом плане. Известно, как нуждается поэт в окружающей среде, способной усиливать звучание его поэзии. Именно здесь он действительно состоялся как поэт.

И это произошло, несмотря на неурядицы в семейной жизни, несмотря на разрыв с местной прессой, последовавший после скандальной публикации весной 1983 г. в псковской молодежной газете стихотворения «Весеннее», которое, как выяснилось, заключало в себе акrostих «Христос воскрес».

Евгений Шешолин постепенно становится люмпеном, превращаясь в типичного представителя русского литературного андерграунда. Отдаление от общества, уход на обочину социальной жизни лишь помогает поэту осознать свою миссию:

Был я выбран искренним поэтом,
Был и век подобран мне при этом,
Чтоб еще чего-то не просил.

Поэт немного не дожил до 35 лет — возраста, который Данте считал вершиной человеческой жизни. Он умер 28 апреля 1990 г. вдали от Пскова, в латвийском Даугавпилсе, и похоронен в своём «городе детства» — Резекне.

Лирика Евгения Шешолина поражает разнообразием содержания. Ее тематика не ограничивается происходящим «здесь и сейчас». Она охватывает огромную территорию и большой отрезок мировой истории.

Этому способствовало творческое воображение поэта, который с удивительной проницательностью и завидным знанием материала изобразил несколько десятков эпизодов из далекого прошлого человечества: от первобытного общества — до античности и от индейских государств Америки — до древнейших цивилизаций Ближнего Востока.

Между тем его странствия не ограничивались путешествиями во времени. Он часто ездил по стране. Стихи сохранили впечатления поэта, которые отражают его интересы и приоритеты. Любопытно, что в его «Ленинградской тетради» среди множества экспонатов «музея Европы» (как он однажды назвал Ленинград) внимание Евгения Шешолина привлекла достопримечательность совсем другого рода — мечеть на Петроградской стороне:

Сухой и жаркий осколок Востока,
как ты в эту осень попала?
Кто бросил тебя под морозящим дождём?
Ты нелепо красива под северным небом.

Стихотворение «Мечеть на Петроградской стороне» написано в 1976 г., еще до поездки поэта в Среднюю Азию, и как бы предвещает одно из главных увлечений его жизни.

Впервые Евгений Шешолин побывал в Средней Азии летом 1978 г. Он тогда учился на естественном факультете Псковского педагогического института и должен был пройти там учебную практику. Эта поездка сыграла громадную роль в жизни поэта, познакомив его с миром пост-мусульманского Востока. Он еще не раз вернется сюда, чтобы ощутить и запечатлеть поразительное сочетание роскошной южной природы, советской повседневности 1970-х гг. и культурного наследия далекого прошлого:

И здесь микрорайон, автобусы, шоссе,
почти что все равны, — душой, по крайней мере;
как жить они хотят! — Беспамятно, как звери,
плодиться, ликовать, побыть всерьез, как все...

Но вот они, дворцы: стоят во всей красе, —
в кофейных изразцах игрушечные двери, —
и можно подсмотреть: цветы меняет пэри
для хана сальных глаз в невольничьих косе.

Если прислушаться (и присмотреться) к текстам, собранным в «Среднеазиатской тетради» Евгения Шешолина [1, с. 133-146], то легко сделать вывод о типичности их стихосложения для его поэзии.

Встречаются среди них произведения, написанные верлибром — свободным стихом, который не имеет метра и рифмы и отличается от прозы только тем, что графически разбит на строки. Отношение к этому типу стиха, широко распространившемуся в европейской поэзии XX века, у нас долгое время было негативным. Верлибр считался продуктом упадочной буржуазной культуры, поэтому приобрел популярность только в 1960-х гг., привлекая поэтов своей новизной, оригинальностью и «европейскостью». Евгений Шешолин был одним из многих молодых поэтов, которые разрабатывают верлибр в русской поэзии конца XX века.

Однако наряду с верлибром в «Среднеазиатскую тетрадь» вошли и весьма не свободные, т.н. «твердые формы» стиха — например, сонеты, один из которых носит здесь характерное название «Восточного сонета» («За тыщу лет зеленый огонек...»). Эти формы давно не популярны и крайне редко встречаются в современной поэзии. Особое внимание к строгим стиховым формам далекого прошлого противоречит основному направлению ее развития и выделяет Евгения Шешолина, который написал более сотни сонетов.

Одновременно с работой над «Среднеазиатской тетрадью», Шешолин обращается и к восточным поэтическим формам. В 1982 г. он пишет первые четыре газели¹. А уже в 1983 г. он приступает к созданию первого в русской поэзии сборника текстов, написанного древнеперсидскими строфическими формами. Это был беспрецедентный шаг. Еще ни одному из русских поэтов, среди которых были не только интересовавшиеся творчеством Хафиза или Хайяма, но даже владевшие их стиховыми формами, не приходило в голову создать свой «диван», как назывались на мусульманском Востоке составленные по определенному канону сборники стихотворений одного поэта².

Евгений Шешолин назвал свой сборник «Первым Северным диваном»³. «Севером», «Северным краем» была для него Россия; с другой стороны, это название напоминало о «Западно-восточном диване» — знаменитом сборнике Гёте (1819), который далеко не столь каноничен, как «Первый Северный диван» Евгения Шешолина⁴. Впрочем, и шешолинский сборник отступает от своего восточного образца, где произведения одного жанра располагались в алфавитном порядке последних букв рифмы. «В силу особенностей русской рифмы», — объяснял Шешолин в Предисловии к своему дивану, — он «не мог применить этот чужой метод, но расположил стихотворения в пределах жанра по алфавиту по первым буквам первого слова» [2, с. 8]. Ему казалось, что таким образом сохраняется «случайность» диванной композиции.

«Диван» Евгения Шешолина включает 206 текстов и состоит из 13 разделов: I. Касыда; II. Газели; III. Переложения из классической поэзии; IV. Газели из Мирзы Галиба; V. Китэ из Мирзы Галиба; VI. Китэ из

персоязычной классики; VII. Таджибанд; VIII. Фарды; IX. Рубаи; X. Рубаи, переложенные с персидского; XI. Мухаммасы; XII. Мусаддасы; XIII. Назирэ. Большинство текстов «дивана» — газели (разделы I-IV). Их почти 2/3 от общего числа текстов. Далее идут рубаи (разделы IX-X), которых всего 36 текстов. Ещё меньше китэ и фардов (14 и 11 текстов соответственно). Лишь пятью текстами представлены мухаммасы и назирэ, двумя — мусаддасы и только одним — касыда и таджибанд⁵.

Возникновению «Первого Северного Дивана» способствовала логика творческого развития поэта. Его стихи всё более и более насыщались изощренной ассоциативностью и метафоричностью образов, весьма характерными для современной поэзии, и он искал соответствующую форму выражения. Одним из решений и стало его обращение к жанрам древнеперсидской поэзии. Оценив их возможности, поэт постарался, по его словам, «вдохнуть жизнь в старые, прекрасные формы».

В предисловии к своему «Северному дивану» Шешолин писал: «Увлечение персидскими формами стиха не было для меня забавой. В основу полагалась газель. Она, как известно, так и осталась экзотическим видом в ареале русской поэзии, несмотря на попытки Фета, Вяч. Иванова, Брюсова, Кузмина, Липскерова. Как форма очень характерная, она властно требует проявить в себе черты своей далекой родины, отчего и мои газели не вовсе свободны. Дело в другом. Мне представляется малым внимание авторов первых русских газелей к их важному свойству, отличающему от других форм. Бейты (двустушия) газели должны быть автономны по отношению друг к другу; они готовы в классической газели к перестановкам местами внутри общего каркаса (кроме 1-го и заключительного), а то и вовсе к изъятию без ущерба для целого. Такое требование направляет внимание на повышенную ассоциативность, когда вокруг «свечи»-темы вьются «мотыльки»-двустушия. Все это в определенный момент совпало с моим желанием свести до минимума схематичную сюжетность стихотворения. Газель оказалась в этом смысле искомым, а в дальнейшем метод открыл свои горизонты, эпифора стала на долгое время любимым. Вокруг газелей выросли другие формы, часть из которых оказались чисто, на мой взгляд, традиционными (касыда, кита, мухаммас, мусаддас, месневи), часть — заслуживающими так же нового внимания» [2, с.7-8].

Обращаю внимание на профессионализм поэта. Евгений Шешолин много и упорно изучал восточную поэзию. Отмечу, что он продолжал интересоваться ею и потом — после того, как был составлен «Первый Северный диван». Известны письма Шешолина востоковедам — Наталье Ильиничне Пригариной и Газанфару Алиеву, которых поэт расспрашивает о тонкостях персоязычной поэзии и знакомит их с «восточной «линией» своего творчества. Очевидно, что Шешолин собирался ее продолжить.

Восточная поэтическая культура выше всего ценит образец, канон и заставляет поэтов соревноваться в его воплощении. Изобретателя здесь теснит продолжатель, поэтому западный культ новизны отступает перед восточной приверженностью к традиции.

Поэзия Евгения Шешолина включает в себе вызов современности и может предсказывать поворот, возвращение к каноническому искусству древности и средневековья.

Примечания

1. «ГАЗЕ'ЛЬ (араб.) — стихотворная форма лирической поэзии у народов Ближнего и Среднего Востока, а также в некоторых литературах Индии и Пакистана. Г. состоит из бейтов (двустуший), начало рифмовки — в первом бейте, в дальнейшем — однозвучная рифма идет через строку, т. е. первый стих каждого последующего бейта остается незарифованным. Таким образом, система рифм в Г. такая: аа ва са да и т. д. <...> В переднем бейте обязательно упоминается поэтическое имя (тахаллус) автора. Количество строк в Г. всегда четное. Вследствие чрезмерной строфической замкнутости бейтов, которые в Г. связаны между собой только общностью рифм и метра, газельной форме <...> присуща отрывистость и в большинстве случаев отсутствует тематическое единство, что заметно даже у таких великих мастеров Г., как Хафиз. <...> Форма Г. проникла в европейскую поэзию, особенно в немецкую: Г. писали И. Гете, Ф. Боденштедт, А. Платен и др. В русской литературе Г. писали А.Фет, В.Брюсов, Вяч.Иванов, М.Кузмин. Эта форма, как и другие формы восточной лирической поэзии, не привилась на русской почве и является лишь опытом поэтической стилизации. Как специфическая разновидность восточной поэзии, Г. требует применения признаков восточного стиля — особого строя поэтической философии, пышной метафоричности, условной гиперболы и пр.» [3, с. 83]. В качестве примера процитирую одну из ранних шешолинских газелей:

Выведи из пустыни, на вечном пиру послушай, —
как жажда, к бездонному припаду ведру, — послушай!

За безвозвратность неповторимого дня тебе я
в свежий букет прежние слова соберу, — послушай!

Душу мне гнет невидимый вихрь, в темной земле — корни.
Я — одинокое дерево на юру! Послушай!

Жажда ответа алыми волнами набегает,
будто бы бабочек пригибает к костру, — послушай!

Руки упали ненужными крыльями, и воздух
струнами стонет на одиноком ветру, — послушай!

От жажды в снегах бумажных перья мои скрипели!

Выведи из пустыни, на вечном пиру послушай!

Старая сказка: на белом облаке жили-были...

День был, как яблоком освежиться в жару... — Послушай!

1983 [1, с. 217-218]

2. «ДИВА Н (перс. — запись, книга) — в литературах Ближнего и Среднего Востока сборник стихотворений одного или нескольких поэтов в строго обусловленном порядке жанров: касьды, газели, кит'а (фрагменты), рубаи и, наконец, стихотворения иных строфических форм; при этом стихи располагаются в Д. в алфавитном порядке последних букв рифмуемых слов. В европейской литературе известен лишь один случай, когда поэт назвал сборник своих стихов Д.: это «Западно-восточный диван» И.Гёте, написавшего цикл стихотворений под влиянием восточных поэтов — Гафиза, Саади и др.» [3, с. 100].
3. Он опубликован в конце 2015 г. (см.: [2]).
4. «Западно-восточный диван» Гёте построен по сборнику Хафиза, подготовленному другом поэта Гулендамом. В этом сборнике к «Дивану» приложены две отдельные книги стихотворений Хафиза. Они-то и послужили примером для Гёте, чей «Западно-восточный диван» не является традиционным восточным «диваном»: он состоит из 12-ти разных по тематике книг (от «Моганинаме» / «Книги певца» — до «Хулд-наме» / «Книги рая»).
5. Привожу авторские определения жанров «Первого Северного Дивана»: «Рубаи — известный вид миниатюры, где ценится четкость, порой парадоксальность мысли. Многим своим рубаи я, однако, постарался придать характер произведения коротких впечатлений. Фарды — дистихи — несут те же задачи, что и рубаи. Дистихи этого дивана еще более, чем рубаи, подтверждены влиянию импрессионизма. Тарджибанд — своеобразная восточная форма, где одна газель является лишь строфой, а связывает такие строфы общий заключительный бейт со всеми вытекающими из этого возможностями. Упомянутый бейт является не рифмующимся с остальными. Мусаддас — шестистрочные строфы с рифмовкой: RPPPPP, AAAARP, BBBVPP, XXXXPP. Очень специфичная форма, когда допускается компилятивность: стихотворение пишется на двестише другого автора, каким заканчиваются все 6 строк строфы с первой до последней. Такой подход мало знаком европейской поэзии, но представляется небезынтересным. Мухаммас — пятистрочные строфы с рифмовкой: RPPPP, AAAAP, BBBVP, ...XXXXP. Компилятивны: последние 2 строки в каждом пятистишии — последовательно — бейты газели другого автора, и, таким образом, мухаммас пишется на всю газель. Месневи — форма с рифмовкой: AA, BB, CC..., XX. Чаще использовалась для крупных произведений. Китэ (кит'а) — стихотворная форма в персидской классической поэзии; в отличие от газели здесь не рифмуются строки первого бейта и предполагается логическое развитие смысла в тексте. Назирэ — вид подражания в персидской классической поэзии, когда подражание должно совпадать со своим объектом формально» [2, с. 7-8].

1. Шешолин Е. Измарагд со дна Великой. (Стихи. Проза. Письма): Из разных тетрадей / Сост. Д.Прокофьев, Г. Маслобоева. Резекне: Изд-во Латгальского культурного центра, 2014. 827 с.
2. Шешолин Е. Первый Северный Диван (стихотворения 1983—1989) / Сост., подгот. текста М.Андреев; Предисл. А.Белоусов; Комментар. М.Андреев, А.Белоусов, Д.Прокофьев; Ред. Д.Прокофьев; Худ. И.Сёмин. М.: Изд-во «Пальмир», 2015. 107 с.
3. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.

References

1. Shesholin E. Izmaragd so dna Velikoy. (Stikhi. Proza. Pis'ma): Iz raznykh tetrahey [Izmaragd from the riverbed of the Velikaya river. (Poetry. Prose. Letters): From different notebooks]. Rezekne, 2014. 827 p.
2. Shesholin E. Pervyy Severnyy Divan (stikhotvoreniya 1983—1989) [The First Northern Diwan (poems 1983—1989)]. Moscow, 2015. 107 p.
3. Kvyatkovskiy A.P. Poeticheskiy slovar' [Poetic dictionary]. Moscow, 1966. 376 p.

Belousov A.F. Yevgeniy Shesholin “The first north diwan”. The East plays important role in the poetry of Russian poet Yevgeniy Sheshilin (1955—1990). Ancient Persian verses often act as patterns of his creative activity. In 1983, Shesholin began to work on the collection of poems “The First North Diwan”. This collection is very similar in style to the East poetic “diwans” and it became the first experience of such a collection of poems in the Russian poetry.

Keywords: The East theme, gazel and other ancient Persian poetic forms, divan, canonical art, tradition.

Сведения об авторе. А.Ф.Белоусов — кандидат филологических наук (Санкт-Петербург), bos4@mail.ru. Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.